

«Будь идиотичней, братец, и тебя все полюбят»

Врт-журнал: крик к интеллигенции и нас
Там: - 1995. - № 12. - с. 4

Писатель Валерий Попов живет в Петербурге и является президентом местного отделения ПЕН-клуба. Его перу принадлежат книги «Жизнь удалась», «Нормальный ход», «Праздник ахинеи», «Любовь тигра» и другие. На данный момент заканчивает новый роман, который пишет не в тоске и мучениях, а с огромным увлечением.

- Валерий Георгиевич, приспосабливаете ли вы свой новый роман к «условиям рынка» или пишете, как хочется, а там будь что будет?

- Я думаю, что сейчас нужно работать в четком жанре, чтобы одним словом можно было сказать, про что книга - про любовь, убийство или тайны Кремля. Одно лишь обаяние ума, как писали раньше, - это уже отыграно. Надо писать про любовь, а туда уже вставлять ту роскошь письма, без которой писать неинтересно. Роман, который я сейчас заканчиваю, написан от женского лица, там крутой сюжет, и меня эта вещь страшно «заводит». Там будет два сильных партнера, блистательные любовники, гении своего дела, которые сошлись на жизненном пути и начинают друг друга дубасить. У обоих появляются и красавицы, и красавицы, и маньяки, и звезды, герои используют их как фишки, как статистов. И всё идёт по нарастающей.

- Вы любите ставить своих героев в безвыходные положения?

Может быть, в парадоксальные, гротескные ситуации. Я считаю, что выход существует из любых положений, нужно очень постараться, чтобы создать безвыходное положение. У меня есть рассказ «Божья помощь», где я показываю, что, если ты падаешь со стула, подстилка тебе всегда постелена. Если специально не будешь грохаться мимо. Героя забирают в милицию, а когда милиционер составляет протокол, оказывается, что у него и героя совпадают фамилия, имя и отчество. Милиционер хохочет, рвёт протокол и отпускает его. Это моя, кстати, история.

То есть какая-то благодать всё время от жизни идёт. Если не замечать её - разобьёшь морду, будешь замечать - она всегда смягчит тебе падение. Дверь всегда есть, даже если она заклеена обоями, не нужно только идти в стену.

- А вам не кажется, что в нашей литературе вы одиноки в своих воззрениях? Помоему, писатели достаточно пессимистично смотрят на жизнь и творчество.

- Есть такое ощущение, что литературный люд разбежался куда-то по углам, и непонятно, куда все плывет. Потому что большинство писателей занимается саморекламой - какой он острый, отчаянный, злой, развращенный... Для начала это умно, без этих закидонов не прозвучать. Но если так просто гарцевать - превратишься в цирковую лошадь. А нужно превращаться в рабочую лошадь, запрягаться. А молодежь в основном предпочитает выступать с одним и тем же номером, а не тащить телегу. А может, в этой телеге что-то хорошее? Вино, мясо, женщины? Всё равно не хотят тащить. Поэтому кажется, что за жизнь никто не отвечает. А я пытаюсь. Не просто взлетать воздушным шариком, а с корзиной. Мне говорят: «Ты что, не понимаешь, что жизнь отвратительна?», я отвечаю: «Но нужно же дать полетать этому хламу, покрасоваться».

- И где жизнь совсем отвратительна?

- Да нигде. Ничто так не плохо, как ожидается. И так хорошо не бывает, как ждешь. Я вижу, как молодые режиссеры старательно находят какие-то трущобы, склепы. А я навещал друга в сумасшедшем доме и скажу вам - чудесное место! Ласковые нянечки, чисто, все ходят, кричат. Этот культ страдания и грязи - спекулятивный. Его придумали чистые мальчишки, которых с детства закармливали шоколадом.

- Может быть, городской принцип сказывается? Литературный Питер веселее Москвы?

- В шестидесятые годы здесь заряд оптимизма был. Аксёнов был, такой танцующий мальчик, красавец. Другое дело, что он утанцевал куда-то в даль.

И это очень горько, что он не захотел брать на себя никаких вериг - без них танцевал. Как говорится, «будешь горьким - расплюют, будешь сладким - расклюют». Конечно, грубо говоря, я ему завидую - мне хотелось бы, чтобы и меня купили так, как его купил Запад. И в то же время - не дай Бог. Писать сцены специально для того, чтобы преуспеть... Важно лёгкое ослиное упрямство, характер - это второе, что нужно писателю.

- А первое что?

- Первое - Божья благодать. Умение прелесть находить даже в рваном валенке. А слова какие есть - «зигзаг», «каравай», - простые слова, не тобой изобретенные, но сколько в них кайфа, энергии. Кто это уловит - уже писатель. Можно прожить до восьмидесяти лет спокойно одними звуками.

- А сейчас говорят, что нужно раздвигать рамки культуры, находить новые возможности. Считаете ли вы, что творчество, культура - это бункер, где писатель занимается почти химической работой?

Нет-нет. Я считаю, что писатель должен всё время из любой клетки, любого бункера высказываться. Как только картонный домик «Запад», «демократия», «социализм» построен и тебе говорят - живи здесь, - немедленно бежать. Куда угодно - в пивную, сумасшедший дом, публичный дом. Только не сидеть в определенном объеме под названием «здесь должны быть все мыслящие люди эпохи». Всё постепенно превращается в туалет - и шестидесятиничество, и демократия, - откуда все умные люди с остатками души и совести сбежали на волю. Но именно на волю, а не в другой барак. А смена барака - это для тупых.

- Валерий Георгиевич, если бы вы не были писателем - кем бы вы были?

- Я думаю - все писатели. Все жизнь себе делают, как хотят. Хотя... работал я инженером и понял, что людей лепить в жизни очень тяжело, корявые они очень. В рассказе их лепить приятнее. А во-вторых, с помощью прозы я вычисляю, что можно добавить в жизнь. Ты пишешь рассказ и понимаешь, что тебе не хватает идиотизма, братец. А ты уже затрахал всех своей правильностью и последовательностью. Идиотизма тебе нужно - и все пришли к тебе, полюбили и простили. Много раз я понимал, что вышел на классичность, занудство, пошла «истина». Тогда - немного марзма - и ты снова с людьми!

- И с какими людьми вы?

- Когда открылось лицо читателя - это был просто шок. Раньше видны были только умные, интеллигентные глаза, и кого одобрял эти глаза - литератор. А когда пришли другие времена и паранджа упала, - открылась страшная морда, просто ужас. Глаза где-то далеко-далеко оказались. А тут видны рот какой-то, уши, зубы кривые. Но и свой читатель не исчез. Девочка из города Шахты пишет мне с четырнадцати лет. «С друзьями до сих пор изъясняемся вашими словами». Почему из города Шахты? У меня там вроде детей быть не может, родственников тоже, а совпадение биологии полное. Люди, которые ценят звук, каламбур, понимают прелесть жизни. Люди, которые чувствуют... Я работаю на эту биохимию, свою и своих односельчан.

- То есть вы не горите желанием всемирной славы...

- Ну хочется, чтобы милиционер узнавал, упрямое, в метро. Но односельчан не так много оказалось. Но приятно, что они не ограничены возрастом. С молодыми иногда совпадешь - очень приятно. А есть масса людей, которые чего только в литературе не ищут - как на свалке. Правил поведения, сексуальных инструкций, исторических сведений, правду о Екатерине Второй, Сталине, Жукове. Наверное, есть такое село, где любят эту ерунду. Но важнее благодати и счастья жизни ничего нет. Ничто с этим не сравнится, никакой детектив.

А главное - чем еще заниматься? С утра проснешься, попьешь чаю... На демонстрацию идти? А начинаешь писать, и там у тебя все есть - квартира есть, баба, друзья, - живи не хочешь.



239